«Моя политика примирения заключается не только в возвращении территорий. Речь идет о людях»

Обязанности государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия Кетеван Цихелашвили заключаются в координации политики урегулирования конфликтов в стране. Она занимает должность с 2016 года. В разговоре с ОС Media Цихелашвили рассказала об успехах и неудачах министерства, ее

новой мирной инициативе, а также преградах и перспективах установления мира в стране.

OC Media: Что Вы считаете самым большим достижением в политике примирения за тот период, который Вы занимаете пост министра?

Кетеван Цихелашвили: Мне кажется, каждый раз задавая этот вопрос, мы упускаем из виду само собой разумеющееся. Например, то, что в довольно трудные времена, на региональном, геополитическом и местном уровне, несмотря на многочисленные провокации, мы сохранили мир.

Мир — довольно временное понятие, когда дело касается грубых нарушений прав человека и даже трагических событий — таких, как смерть человека. Например, случай с Арчилом Татунашвили. В людях много злости, они протестуют.

Важно понять, что дело не в грузинах и не в осетинах. Люди не хотят этого. Никто не выигрывает, а провокации одинаково вредят обеим сторонам. Мы сумели смягчить провокации,и сохраняем мир — это главный приоритет Грузии и инструмент разрешения конфликта.

Несмотря на то, что количество барьеров увеличивается, мы смогли преодолеть эти искусственно созданные препятствия и наладить контакты. Это самый четкий и измеряемый показатель того, что в результате нашей политики и участия люди находятся в безопасности, они чувствуют себя уверенно и готовы взаимодействовать с «другой стороной», что является основой примирения.

Самый большим шагом, по крайней мере, за последние десять лет — стала наша мирная инициатива. «Шаг к лучшему будущему» был обнародован правительством после более года консультаций, контакта со второй стороной и тестирований. Я думаю, что со временем эта инициатива создаст прочную основу для примирения.

ОС Media: Одной из целей программы является упрощение доступа к рынкам ЕС и Грузии для абхазских и югоосетинских предпринимателей. С учетом того, что грузинский рынок и без того открыт для абхазских предпринимателей, какие стимулы предлагает эта инициатива при ведении бизнеса на контролируемой Грузией территории?

Кетеван Цихелашвили: Во-первых, законодательные — мы внесли существенные изменения в девять законодательных актов, включая закон «Об оккупированных территориях».

Во-вторых, она включает инфраструктурные и финансовые инструменты, и, что самое главное, придается большое значение диалогу. Предложение открыто на взаимной основе — со стороны абхазов и осетин.

Например, программа позволяет продавать продукцию из Абхазии и Южной Осетии в тбилисских супермаркетах. Некоторые [абхазские] сельскохозяйственные продукты есть на Зугдидском «зеленом» рынке. Но я говорю о том, чтобы, к примеру, абхазская аджика появилась в столичном супермаркете. Для таких продуктов будет введен нейтральный код. Так мы не будем раздражать покупателей в Тбилиси, и для абхазских предпринимателей это будет приемлемо.

OC Media: Какие самые крупные ошибки, на ваш взгляд, допустило правительство в отношении примирения с абхазами и осетинами за последние десять лет?

Кетеван Цихелашвили: Не за десять, а за все 25 лет совершено огромное количество ошибок. К сожалению, это можно осознать только по прошествию времени.

Конфликт вообще был самой большой ошибкой всех сторон. Этого не должно было произойти. Мы не можем изменить прошлое, но, проанализировав прошлое, можем изменить некоторые вещи в будущем.

Что важно и что уже сделано — по крайней мере, по эту сторону конфликта, — это то, что мы признали: он принес всем только боль, и это общая боль.

Были явно упущенные возможности. Я думаю, что отказ от рынка Эргнети в 2004 году (нелегальный рынок недалеко от Цхинвали) был ошибкой. У многих местных грузин и осетин была налажена торговля, что фактически помогало урегулированию конфликта. Я считаю, что он имел уникальное значение для мира и примирения. Дело можно было по-разному развить, трансформировать и легализовать.

После 2008 года политика стала просто риторикой, хотя кое-что работало — например, программа здравоохранения [бесплатное медицинское обслуживание жителей Абхазии и Южной Осетии]. Сейчас, с тех пор, как мы находимся у власти, эта программа работает лучше. Число абхазов и осетин, которые перебираются на контролируемую Тбилиси территорию для получения медицинских услуг, увеличилось в 6-7 раз.

ОС Media: Официальных статистических данных по этому вопросу нет. Вы упомянули резкое увеличение числа участников медицинской программы. Могли бы вы назвать конкретные цифры — например, сколько людей в год пересекают контролируемую Грузией территорию?

Кетеван Цихелашвили: Мы ведем учет, но не публикуем его. Речь идет о тысячах людей в целом.

ОС Media: Недавно Грузия обратилась к ФИФА, опротестовав футбольный матч, который должен был состояться между Абхазией и Нигерией в Сухуми. Утверждалось, что это противоречит принципу территориальной целостности страны. Грузия также не раз предотвращала участие абхазов в спортивных и культурных мероприятиях за рубежом, что вызывало негативную реакцию в Абхазии. Вам не кажется, что такие меры могут помешать примирению абхазов и грузин?

Кетеван Цихелашвили: Я не знаю, кто обратился в ФИФА. Это могло быть Министерство иностранных дел или Федерация футбола.

Но дело вот в чем. Когда я слышу, что, например, труппа детей из Абхазии недовольная возвращаться домой и они плачут... Я должна признаться — мне действительно не нравится, что детей могут вот так развернуть, разочаровать, что с ними могут плохо обойтись или подвергнуть насилию. Это касается и детей в Гали (район, который населен этническими грузинами), лишенных возможности говорить на родном языке в детских садах или школах. Это ужасно.

Конечно же, нельзя препятствовать культурному обмену, но в данном случае продвигается политическая повестка — [их] политика признания. Если детей используют в качестве «агентов» для получения политического признания, то это противоречит [международной] политике непризнания.

Были случаи, когда принимающая страна предпринимала меры, а в Абхазии думали, что это МИД Грузии. Во всяком случае, это не столько моя работа, сколько МИДа.

Проблема в том, что 300 000 вынужденно перемещенных лиц из Абхазии [в том числе этнические грузины] полностью лишены права голоса.

Мы пытаемся поднять вопрос об их возвращении — например, на переговорах в Женеве... Но русские, абхазы и осетины не хотят участвовать в дискуссиях. Если им разрешат вернуться, то не факт, что тысячи людей хлынут разом [в Абхазию и Южную Осетию]. Нет, этого не произойдет. Не так это работает. Это очень сложный и долгий процесс, необходимо принять не одно решение. Но нельзя отрицать право людей на это.

ОС Media: В настоящее время Европейский союз строго следует политике Грузии в отношении Абхазии и Южной Осетии. Какой будет ваша реакция, если ЕС начнет осуществлять политику в отношении этих регионов независимо от Тбилиси?

Кетеван Цихелашвили: Что значит независимо от Тбилиси? ЕС решительно поддерживает мирную политику Грузии. У него есть политика вовлеченности без признания, и мы поддерживаем ее.

Например, безвизовый режим доступен только гражданам с грузинскими паспортами, но не с «абхазскими паспортами». Это явный пример этой политики непризнания.

И эти предположения, что грузины дергают за все ниточки... Это неправда. Мы максимально поощряем международное участие. Проблема в другом.

Например, недавно [абхазские] власти запретили всем сотрудникам де-факто правительства участвовать в мероприятиях международных организаций. Людей, которые получают международное финансирование, часто преследуют. Это очень похоже на российский закон «Об иностранных агентах». Сами абхазы опасаются этого.

Эту изоляцию им навязывают. Это настоящая санкция, наложенная на них. И они определенно не счастливы. Это проблема. И не Тбилиси этому виной. Не на этот раз.

OC Media: Российская делегация на Женевских дискуссиях вместе с представителями из Абхазии и Южной Осетии часто выражает недовольство отсутствием прогресса на переговорах. Считаете ли вы, что переговоры должны быть продолжены в нынешнем формате?

Кетеван Цихелашвили: Если кто-то и должен быть недоволен, так это мы. Я участвовала в четырнадцати раундах [Женевских дискуссий]. Четырнадцать — это очень много. Но они важны, и не потому, что у нас есть прогресс в решении каких-либо серьезных проблем. На самом деле, нет.

Россия, скорее всего, пытается использовать эти переговоры, чтобы узаконить то, чего они достигли благодаря своей жесткой политике. Также они пытаются избежать ответственности, не признавая себя стороной конфликта. В Женеве они обычно говорят что-то вроде: «Вы, ребята, поговорите, а мы отдохнем. Мы — не участники конфликта, мы просто вас охраняем».

Но когда дело доходит до «разговоров о нас» вне Женевы, я только и вижу, как Россия уже много лет всячески пытается препятствовать этим переговорам.

Продвижение к реальным переговорам ничтожно мало, также как и к решению гуманитарных проблем.

Когда я просила [в Женеве] разрешить пожилым женщинам посетить кладбища на Пасху или нескольким фермерам работать на их земле по ту сторону разделительной линии, я не называла ее оккупационной. Потому что это не главное. Я прошу позволить конкретному человеку в определенные дни в 10 часов утра и в 5 часов вечера поработать на своем поле. Вот и все.

Но в ответ я слышу только: «признайте границу, тогда и поговорим». О политизированной позиции могла бы быть речь, если бы мы постоянно называли ее оккупационной линией. Но, когда вы ищете гуманитарное решение, а получаете такой ответ — это камень преткновения. Это чрезмерная политизация гуманитарных вопросов, что весьма печально.

Однако на данный момент это единственный формат, вытекающий из соглашения о прекращении огня, где отмечено, что Россия должна выполнить свои обязательства [вернуть войска на довоенные позиции и допустить международные механизмы обеспечения безопасности].

На своем первом раунде Женевский дисскусий я предложила участникам из Абхазии создать отдельную линию переговоров. Все еще ждем ответа.

ОС Media: Широко распространено мнение, что лидер «Грузинской мечты» Бидзина Иванишвили принимает все решения в стране. Он участвует в формировании политики примирения Грузии?

Кетеван Цихелашвили: Общие принципы политики примирения согласованы. Сам Иванишвили, будучи премьер-министром, за всю историю правления «Грузинской мечты» в августе 2013 года впервые выразил готовность [примириться]. В Гори [в пятую годовщину августовской войны] он сказал абхазам и осетинам, что с сегодняшнего дня мы готовы и открыты для диалога. Поэтому он определенно согласен с действующей политикой.

Все парламентское большинство поддержало меня с новой мирной инициативой. Это обнадеживает, потому что политики открыто говорят о примирении, об уверенности и объединении. Они не говорят о возвращении Абхазии или Южной Осетии. Они говорят, что нам нужно найти путь друг к другу. Это очень важно.

Это и мой личный лозунг. Потому что моя политика примирения заключается не только в возвращении территорий. В первую очередь, речь идет о людях. О том, как найти путь друг к другу. Это очень важный посыл.

Вы едете в Зардиканткари или Хурвалети (деревни на разделительной линии между югоосетинскими и контролируемыми Грузией территориями), и видите людей, и даже родственников, в грузино-осетинских смешанных деревнях [разделенных заборами]. Они живут здесь, смотрят друг на друга, и не могут пожать друг другу руки. Это ужасно. Но это реальный символ оккупации. И именно поэтому я считаю, что так не может продолжаться вечно. Колючая проволока не может остаться надолго.

Если мы будем вкладываться больше в связи между людьми, они будут расти. Их просто нужно поддерживать. Не нужно их искусственно создавать. Они и без этого существуют. Нам просто нужно оказать содействие.

Я попросила международное сообщество помочь нам, но, конечно же, в первую очередь, над этим должны работать мы — это наше дело. Надеюсь, нам ответят взаимностью с другой стороны.

Действительность сложна, но мы должны оставаться реалистами. Мы не можем сидеть сложа руки и уклоняться, прибегая только к риторике и разговорам о «видениях». В какой-то степени это полезно, но не результативно. Мы должны действовать.